

Петербургский институт иудаики

ОЗЕРНАЯ ТЕКСТОЛОГИЯ

Труды IV летней школы
на Карельском перешейке
по текстологии и источниковедению
русской литературы

Поселок Поляны (Уусикирко)
Ленинградской области

2007

Светская литература и культура в проповедях Симона Тодорского

Придворные проповеди занимают особое место в культуре середины XVIII в.: ни одно придворное празднество Елизаветинского периода не обходилось без богослужения и сопровождавшей его торжественной проповеди; в первые годы царствования «предики» в присутствии императрицы произносились также на воскресных и праздничных богослужениях. После произнесения придворные проповеди издавались существенными для той эпохи тиражами (обычно 600, иногда 1200 экз.), поступали в продажу или рассылались по епархиям. 50 экземпляров от каждого тиража отписывались «в поднос» императрице, членам Синода и высокопоставленным придворным. Придворные проповеди до сих пор исследованы крайне мало, несмотря на то, что они являются интереснейшими документами эпохи. Оставаясь с формальной точки зрения жанром духовной литературы, о чем свидетельствовали тематика, принципы построения, использование текстов Св. Писания и отцов церкви, проповедь с начала XVIII в. начинает рассматриваться государством как важный воспитательный, панегирический и политический текст, как средство формирования общественного мнения. К середине XVIII в. проповедь уже прочно входит в систему придворных празднований. Интересным представляется проявление в текстах проповедей сюжетов придворной культуры, аллюзий и цитат из светских текстов (документов, художественной литературы и т. д.). В данной работе мы рассмотрим подобные «светские» элементы в придворных проповедях Симона Тодорского, епископа Псковского и Нарвского (1700/1701–1754).

Симон Тодорский — один из самых известных деятелей в ряду многочисленных проповедников 1740-х гг. Его биография хорошо известна ([Кислова 2007], [Шукин 1898–1899] и др.): он родился в 1700 или 1701 г. в местечке Золотоноша близ Киева, получил образование в Киевской духовной академии, затем — в университетах Йены и Галле. После возвращения в Киев в 1738 г. Тодорский принял постриг и получил в Киевской духовной академии должность

катехизатора, выступал с проповедями в церквях и монастырях Кива, преподавал немецкий, греческий и древнееврейский языки в академии. В 1742 г. он стал законоучителем и воспитателем наследника престола, будущего Петра III, а вскоре, после православного миропомазания наследника, и его духовником. С февраля 1744 г. Тодорский — законоучитель и впоследствии духовник невесты наследника престола, будущей Екатерины II. С 1743 г. Тодорский — член Священного Синода, с 1745 г. — епископ (сперва Костромской и Галицкий, затем Псковский и Нарвский). Отставка его от придворных обязанностей произошла в 1749 г. [*Записки*: 195]. Умер Тодорский в 1754-м, был похоронен в Троицком соборе в Пскове и почитался там как местночтимый святой. После его смерти осталась обширная библиотека, которая была передана Псковскому архиерейскому дому, затем попала в Псковскую семинарию и сейчас хранится в Псковском музее-заповеднике. В основном она содержит богословские и энциклопедические книги и рукописи на латинском, греческом, арабском, еврейском, сирийском и немецком языках [*Каталог*: 255—257]. Кроме личных библиотек, проповедники могли для подготовки «предик» пользоваться библиотекой Академии наук (в частности, сохранилось такое разрешение, данное Стефану Савицкому от 1746 г. [*Материалы VIII*: 45]).

В настоящее время известно 4 проповеди Тодорского, произнесенные в 1741 г. в Киеве и опубликованные по рукописи в 1909 г. [*Тодорский 1909*], а также 4 придворных проповеди, опубликованные непосредственно после произнесения: на день рождения Петра Федоровича (1743, типография Академии наук), на бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны (1745, два изд.: в Московской Синодальной типографии и типографии Академии наук), на день рождения Елизаветы Петровны (1746, Московская Синодальная типография), на день восшествия Елизаветы на престол (1747, опубл. 1748 в Московской Синодальной типографии).

Представляется целесообразным выделить 2 типа светских элементов в проповедях:

1. Наиболее показательны непосредственные цитаты из светских текстов, обычно с указанием на первоисточник. Так же важны отсылки к конкретному светскому тексту без цитирования, использование устных сюжетов с указанием на конкретных очевидцев. Источники подобных цитат и сюжетов определяются относительно надежно. Меньшей определенностью источников обладают отсылки к текстам и сюжетам без указания на происхождение. В некоторых случаях при-

ходится говорить об использовании распространенного при дворе сюжета, чей первоисточник неважен или неизвестен. Сюда мы относим также свидетельства неназываемых очевидцев, бытовавшие при дворе устные рассказы, анекдоты.

2. Использование актуальных сюжетов придворной культуры, появление в проповеди определенных тем, связанных с увлечениями двора, модой, символикой, оформлением дворцовых праздников и т.д. Они не могли иметь точных источников, однако нам представляются важными пересечения и переклички отдельных сюжетов и тем, использование сходной символики, — все то, что позволяет рассматривать проповеди не как изолированные произведения духовной литературы, но как интереснейшие свидетельства культуры XVIII в.

Далее мы рассмотрим светские элементы в проповедях Тодорского.

1. Использование светских текстов

Хотя дословное цитирование текстов Священного Писания и творений отцов церкви обусловлено самим жанром проповеди, цитирование светских источников встречается гораздо реже.

Существенный пласт составляют здесь правительственные указы и манифесты. Административные документы активно использовались при создании гомилетических текстов: нередко аргументация проповедников при прославлении монархини или объяснении каких-либо ее действий повторяет аргументацию указов и манифестов (напр., назначение Петра наследником Российского престола объясняется *матерним попечением* о благополучии империи и подданных как в манифесте от 7 ноября 1742 г. (ПСЗРИ № 8658), так и в «Слове на бракосочетание»; несправедное похищение престола, которое фигурирует в целом ряде проповедей разных авторов, очевидным образом соотносится с манифестом о восшествии на престол (ПСЗРИ № 8476) и т. д.). Проповедь здесь не уникальна: указы и манифесты служили отправной точкой понимания тех или иных ситуаций, представляли «официальное мнение» и закономерно предъявляли одобренные государством модели толкования и объяснения событий.

Наиболее ярким примером в случае с проповедями Тодорского является прямое цитирование «Указа о регентстве» в «Слове на день рождения Петра Федоровича»:

<p>Симон Тодорский, Слово на день рождения Петра Феодоровича (1743)</p>	<p>Указ о регентстве (1740)</p>
<p>Пуще были воистинну ослепилися, нежели Ирод во время свое: ибо Ирод хотящ уведати о суксессоре Давидовом, вопрошавал Первосвященников: где раждается Христос царь Израилев? А тогдашние министры выключили от сего Российских первосвященников: дабы их о сем не вопрошивать, где раждается праведный Наследник Всероссийского престола за Пресветлейшею Елизаветою следовати имевший. Так бо точно указ гласит печатный при Сенате Октября 18 дня 1740 года: Тогда де должен он регент для предостережения постояния, благополучия Российской империи заблаговременно, с кабинет-министрами и Сенатом, и Генералами Фельдмаршалами и прочим Генералитетом о установлении наследства, крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию во Всероссийскую империю суксессора избрать и утвердить. А о присутствии бедных Первосвященников непомяннено. Знать опасывалися: дабы благодать Божия чрез духовенство действующая, на Петров дом не показала.</p>	<p>Ежели б паче чаяния по воле Божеской случиться могло, что вышеупомянутые наследники, как великий князь Иоанн, так и братья его, преставятся, не оставя по себе законнорожденных наследников, или предвидится иногда о ненадежном наследстве, тогда должен он регент для предостережения постояния, благополучия Российской империи заблаговременно, с кабинет-министрами и Сенатом, и Генералами, Фельдмаршалами и прочим Генералитетом о установлении наследства, крайнее попечение иметь, и по общему с ними согласию во Всероссийскую империю суксессора избрать и утвердить.</p>

Тодорский приводит точную цитату из указа, вводит в текст проповеди даже точную ссылку, однако выпускает начало фразы, что позволяет ему представить указ, относящийся к порядку избрания наследников Иоанна Антоновича, как связанный с избранием наследников Елизаветы. Разумеется, и само имя Иоанна Антоновича не приветствовалось в панегирическом тексте, посвященном новой императрице и ее наследнику. Точность цитаты оказывается здесь обманчивой.

Проповедь не случайно наиболее проницаема для правительственных манифестов и указов: в проповедях нередко положения государс-

твенных документов толковались, объяснялись и вводились в сферу духовной жизни общества, освящались авторитетом церкви, важным для потенциальных читателей духовной литературы. Проповеди закономерно издавались преимущественно церковнославянским шрифтом и пускались в продажу по 5 копеек тетрадь (РГАДА ф. 1184, оп. 2, д. 4).

Среди официально-деловых текстов, цитировавшихся или упоминавшихся в проповедях, необходимо отдельно отметить посольские речи. Отсылка в панегирической проповеди к мнению иноземцев о величии монарха — явление в середине XVIII в. нередкое, один из наиболее известных примеров здесь — упоминание в «Слове на похвалу блаженных и вечnodостойных памяти Петра Великого» (1725) Феофана Прокоповича речей послов Польши и Персии: «Вспомните же и что говорил персидский посол, который между иными похвалами славу дел его [Петра], всюду проходящую, уподобил солнцу, мир весь озаряющему» [*Лепр I*: 103–104]. Феофан Прокопович, очевидно, мог слышать речь персидского посла непосредственно: речь идет о посольстве во главе с Измаил-беком, посланником шаха Тахмасиба II Сефевии, прибывшем в 1723 г. для заключения мирного договора с Россией. Симон Тодорский, который в 1723 г. находился в Киеве и речь персидского посла слышать не мог, в 1745 г. также ссылается на нее, возможно, не без влияния «Слова на похвалу... Петра Великого» Прокоповича: «Но Его Императорскому Величеству Великий Персидский посол в 1723м году то признал и засвидетельствовал: что Престол Его Величества толико превосходит прочия Престолы Монаршья в подсолнечной обретающьяся славою своею, колико денница прочия звезды сиянием. Да в тойжде речи называет Его непобедимым, наиболшим Кесарем времен наших».

Вряд ли можно предположить знакомство Тодорского с записанным оригиналом речи персидского посла. Источником его могла стать опубликованная «посольская речь». В середине XVIII в. посольские речи регулярно издавались в приложении к «Ведомостям» в переводе на русский язык с указанием когда, где, перед кем и на каком языке была произнесена данная речь (см., напр., поздравительные посольские речи по поводу бракосочетания наследника в «Санктпетбургских ведомостях» за август–декабрь 1745). Существуют свидетельства о публикации посольских речей также отдельными изданиями при типографии Академии наук (см. [Материалы VIII: 110]). Можно предположить подобную публикацию и для 1723 г.; нельзя исключать, что речь персидского посла могла быть также опубликована в составе манифестов Петра.

Важно отметить, что сама фигура персидского посла вызывала повышенное внимание в эту эпоху: так, например, при описании бала в честь дня рождения Елизаветы в 1741 г. прибытие персидского посла отмечено отдельно: «По окончании стола начался бал, к которому между прочими чужестранными Министрами прибыл и Персидский Посол» [Санкт-Петербургские ведомости, 1741, № 102, 22 декабря]; среди 16 исторических картин на Триумфальных воротах, воздвигнутых Сенатом по случаю возвращения императрицы в Санкт-Петербург в 1742 г., пятая посвящена аудиенции послу Персидскому (при отсутствии картин с аудиенциями послам других стран). [Театральная жизнь: 344]. Очевидно, признание Персией как одной из наиболее экзотических и в то же время значимых для русских стран величия российских монархов было важным подтверждением их всемирной известности и величия. Поэтому мнение персидского посла оказывалось наиболее важным в ряду мнений о России других иностранцев, и в этом Тодорский следовал за Прокоповичем.

В отличие от документов, непосредственного цитирования произведений художественной литературы в проповедях Тодорского не встречается: очевидно, проповедь как жанр духовной литературы была определенным образом противопоставлена художественной литературе, но нейтральна по отношению к официально-деловым жанрам: с последними проповедь роднила официальность и «государственность».

Закономерным исключением оставалась литература античная, в первую очередь тексты, использовавшиеся для обучения классическим языкам, риторике и поэтике. Сюжеты античной литературы появляются в проповедях Тодорского регулярно. Так, еще в проповедях, произнесенных в Киеве, Тодорский допускает отсылки к письмам Плиния Младшего: «О неповинном же и честном и святом христианстве, не точию христианския, но и языческая свидетельствуют гистории, изволяя да чтет послание Плинейшово к Траяну и ответное писание Кесарево» (Слово в обители Выдубицкой, 1741). Известные сюжеты античной мифологии приводятся без точных ссылок, например: «...ибо такой Бог, не был бы истинный Бог, но был бы еще горший паче языческаго божка сатурн нарицаемаго, о котором баснословят стихотворцы: что оный божок сатурн раждающыяся дети свои пожирал» (Слово на день рождения Елизаветы Петровны, 1746). Конкретный источник здесь не назван и не важен: этот сюжет античной мифологии уже был хорошо известен слушателям.

Любопытным представляется цитирование басни Бабрия «Раненый орел» в «Слове на день восшествия на престол» (1748): «Повест-

вуют, что орел стрелою уязвленный, смотря на стрелу зело жалостно проглаголат: не жаль мне на железо что мене уязвило, но жаль мне на перья мое мене ж уязвившее. И воистину, язва своего перья учиненная зело нескоро заживает, часто же бывает весьма неисцелная, единым токмо души от тела разлучением исцелевающаяся». Античные басни входили в состав учебных текстов, многократно переводились, поэтому конкретный источник здесь не может быть назван. Введение в текст притч и басен в принципе нехарактерен для проповедей Тодорского, «Раненный орел» является единственным исключением. Появление этой басни в проповеди могло быть спровоцировано вышедшим в этом же году переводе С. Волчкова сборника античных басен с комментариями Рожера Летранжа [Езоповы басни: 1747].

Сюжеты, связанные с естественнонаучными текстами, также в основном восходящими к античной традиции, в придворных проповедях не появляются, тогда как в киевских текстах Тодорского они нередки. Например, в «Слове в день Троицы» (1741) хамелеон описывается со ссылкой на безымянных естествоиспытателей: «Есть то хамелион бейстейка, да чюдна, которая, по свидетельству естества описателей, к какому цвету приблизится, то и сама такую станет. Например, аще бы приблизилася до зеленой травы, то и сама позеленеет, аще до рожи, то почервонеет, аще к черному какому цвету, почернеет». Такое описание хамелеона являлось обычным для естественнонаучной литературы данной эпохи и восходило еще к «Естественной истории» Плиния Старшего. Очевидно, причина здесь в изменении задач проповеди: киевские тексты направлены на просвещение слушателей, придворные — на прославление и описание величия монархов.

Античные сюжеты допускались в проповеди и как признак образованности проповедника, и как элемент придворной культуры, что вело к регулярному их использованию проповедниками.

Использование образов, распространенных в светской художественной литературе, современной проповеднику, крайне редко: подобные произведения никогда не цитируются с указанием авторства и близко к тексту.

Любопытным примером взаимодействия светской художественной литературы и проповеди является следующий фрагмент из «Слова на бракосочетание» (1745): «Мощно воистинну и о Великой Екатерине то рещи, еже иногда о Великом Петре речено бысть, яко аще бы Монархия сия родилася была во время языческаго безбожнаго многобожия, по своему суеверию возмнели бы некую от богинь своих во плоти

человечестей явившуюся». Обожествление Петра является распространенным в середине XVIII в. сюжетом, однако извинение этого обожествления через отсылку к языческим временам распространяется только с конца 1740-х гг. Одним из наиболее ранних примеров подобной схемы является строфа в «Оде на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург» М. В. Ломоносова (1742) [*Успенский, Живов*: 214], где речь идет о Елизавете («Когда бы древни веки знали // Твою щедроту с красотой, // Тогда бы жертвой почитали // Прекрасный в храме образ Твой» [Ломоносов VIII: 101]), а также более близкая к процитированному отрывку схема в «Оде на государя Петра Великого»: А. П. Сумарокова [*Петр I*: 188]:

Не удобно в христианстве
Почитать Богами тварь,
Но когда б еще в поганстве
Таковой явился царь,
Только б слава разнеслася,
Вся б вселенна потряслася
От его пречудных дел:
Слава неумолчным рогом
Не царем гласила — богом
Мужа, что на трон восшел.

Эта ода сохранилась в рукописи 1755 г., однако автором датирована в 1747 г. как написанная в 1743—1744 гг. [*Петр I*: 377]. Таким образом, в проповеди Тодорского содержится не только точно датированный пример подобной схемы прославления, но и указание на ее существование в придворной культуре в более раннее время: «еже иногда о Великом Петре речено бысть», — что позволяет косвенным образом подтвердить авторскую датировку оды Сумарокова. Происхождение Петра от Марса, упомянутое в «Слове на похвалу... Петра Великаго» Феофана Прокоповича, могло стать предшественницей этой схемы [*Успенский, Живов*: 214], однако в контексте проповеди Прокоповича это упоминание было обусловлено в первую очередь задачей прославить воинские успехи и исключительные способности Петра в создании регулярной армии, собственно обожествление здесь не находится в фокусе внимания проповедника: «И если бы таковой отрок у римлян оных древних, языческим суеверием ослепленных, явился, вси бы воистинну веровали, что он от Марса рожден есть» [*Петр I*: 92].

В более позднее время данная схема прославления Петра регулярно встречается в светской литературе (см., напр., надпись Н. Мотониса

«К образу Петра Великого, императора всея России» (1760) и ее перевод А. П. Сумароковым [Сумароков: 483]).

2. Использование элементов придворной культуры

Жанровые установки требовали от проповедника беседы о вечных и вневременных проблемах, однако включенность проповеди в придворные празднования и необходимость поддерживать интерес слушателей заставляли обращаться к известным сюжетам придворной культуры. Здесь можно выделить две группы источников: свидетельства очевидцев и сюжеты, актуальные в придворной среде.

Как законоучитель и затем духовник наследника и его невесты, Тодорский имел возможность выступать как очевидец различных действий императорской фамилии, однако пользуется он этой возможностью редко: жанр проповеди не допускал повествование от первого лица. Единственное свидетельство самого Тодорского связано с описанием достоинств Петра в «Слове на день рождения Петра Федоровича»: «...егда по должности и званию моему всеподданнейше предлагах Его Высочеству учение о сем, как то надобно Монархам Христианским правду любити, сирот защищати, Монаршими руками слезы невинно страждущих отирати, яко за сие вечное примут от Бога мздовоздаяние. Противным образом Монархи немилостивии, обидящии подданных своих, незащищающии невинно страждущих, не поборающе по истинне: что имеют получить от Бога? Сам Его Императорское Высочество изволил со умилением сказать: пекло».

Чаще Тодорский оставляет в тексте намеки: определенные упоминания должны были быть понятными слушателям-придворным, но оказывались скрытыми для будущих читателей, не посвященных в подробности каких-то придворных событий.

В том же «Слове на день рождения Петра Федоровича» говорится о православном миропомазании наследника: «С каковым благоговением и усердием приступал к страшным тайнам Христовым, причаститься тела и крове Христа Спасителя своего, да рекут и засвидетельствуют, не без слез тогда на Серафима сего смотревший». В качестве очевидца в данном случае выступают не только придворные, но и сама императрица, присутствовавшая на проповеди: «Во время миропомазания герцога... императрица, растроганная церемонией, упала на колени, обливаясь слезами; увидав это, Никита Юрьевич [Трубецкой] поспешил зарыдать так громко и умильно, что заразил лютеранина, принца Гессен-Гомбургского...» [Бондаренко].

В некоторых случаях отсылка к очевидцам, сохранившаяся в проповеди, не находит подтверждения в исторической литературе или мемуарах современников. Например, в «Слове на бракосочетание» (1745) Тодорский говорит о прибытии Петра во время Северной войны в Киль, столицу Голштинии: «Коликое же желание Его Императорского Величества к высокому сему сочетанию пользы ради Российския Империи было, да рекут имевший шастие присутствовать Его Императорскому Величеству Петру Великому, егда с победоносною своею Армиею, и Голштиндии достиг, быв в stolном Великаго Герцогства сего граде Килонии, увидев изящество Града, увидел изрядное место к мореплаванию, преизящный Порт к пристанищу Флота, и абие вседушно возжелал с высоким сим Голштеин-Шлезвиским Домом соединитися, недоволен Трактатами гражданскими союзами, естественным союзом присовокупити намерил, отдая в супружество Вселюбезнейшую Дщерь свою Анну Петровну Его Королевскому Высочеству...» Очевидно, сам сюжет посещения Петром Киля не мог быть придуман Тодорским, так как со времени Северной войны прошло не так много времени и при дворе было достаточно современников тех событий. Он должен был опираться на свидетельства каких-то очевидцев, присутствовавших на церемонии бракосочетания. В то же время документальных свидетельств о посещении Петром Киля во время Северной войны нет, хотя теоретически оно было возможным. В любом случае, определенный сюжет, связанный с именем Петра и бытовавший среди придворных, оказался зафиксированным в проповеди Тодорского.

Некоторые сюжеты, связанные с именем предшествующих монархов, имеют сложную структуру. Например, в «Слове на бракосочетание» (1745) говорится о мужестве Екатерины во время Прутского похода: «Показалось тогда мужественное и непреодоленное великодушие Ея, егда самую дражайшую пренебрегши жизнь свою, точию бы Российское Государство в целости своей сохранилося, приблизилася было и к самым вратам смертным, и так не далеке была от смерти, как не далеке было от нея ядро пушечное пред ногами Ея упавшее». С одной стороны, Тодорский мог опираться на какие-то устные рассказы придворных-современников Прутского похода: в ядре, упавшем недалеко от будущей императрицы, не было ничего необычного. С другой стороны, очевидна опора на известный сюжет «пуля, пробившая шляпу Петра Великого». В данном случае одним из источников этого сюжета может быть «Слово на похвалу... Петра Великаго» Феофана Прокоповича, где сравнение имеет сходную синтаксическую структуру: «До-

вольно о нем засвидетельствовал Бог..., который чудесным смотрением во многих бедствиях сохранял его, во оных трудных крепостях атаках, во флотовых на мори сражениях, на баталии под Лесным, где изнемог и, оледенев, принужден был почить на неизвестном месте, не ведая стана своего; на баталии Полтавской, где так далече смерть от него была, как далече шляпа от головы; Прутовой акции, то есть в самых смерти челостях» [*Петр I*: 104]. Перенос сюжетов, связанных с Петром, на Екатерину в принципе характерны для «Слова на бракосочетание» (см. выше о схеме прославления через обожествление).

В некоторых случаях необходимо говорить об опоре на распространенные в придворной среде сюжеты, не имеющие однозначных источников или сформировавшиеся на основе нескольких связанных текстов. Например, в «Слове на бракосочетание» (1745) Тодорский использует стандартную схему прославления Екатерины (мужественная и мудрая помощница, советчица и спутница Петра в походах и сражениях): «Крепко же засвидетельствовали о достоинстве Ея много-различныя и многотрудныя походы, смертоносныя баталии, страшныя приступы и сражения. в нихже всегда пребыла Екатерина советами Премудрая, любовию к Богу и ближнему безприкладная, мужеством и храбростию непреодоленная, ко управлению Государства родившаяся». Подобная схема была заложена в указе о коронации Екатерины 1724 г.: «...в которых вышеописанных наших трудах наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великой помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действиях, отложя немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, помогала, а наипаче в прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени как мужески, а не женски поступала...» [ПСЗРИ № 4366]. Эта же схема реализуется в «Слове на коронацию Екатерины Алексеевны» Феофана Прокоповича (1724): «Сия великая Героиня толь сильна в сем явилася, яко немногим и мужем сравнение с собою оставила, в походах безгодия, вар, зной, стужи, бури, малодобные переправы, квартиры беспокойные и прочие здравию таковой плоти вредительные трудности» [*Прокопович*: 103–111]. Еще ярче проявляется данная схема в «Славе Российской» (1724) – пьесе, поставленной по поводу коронации Екатерины в московском Госпитале 18 мая 1724 г.: «Ея бо величество, оставивше женскую слабость, не страшась военного Марса, во всех российских маршах и в иных знаменитых акциях, на последок и в самом тяжчайшем марше, марше глаголю дербенском, мужественно подвизатися изволила и желателне о долгом пренебрегаше пути, но благ совет подаваше, да тако российс-

кая корона славную одержит викторию» [*Льесы*: 259]. Образ Екатерины в проповеди Тодорского выстраивается на основе сформировавшегося ранее комплекса стандартных признаков, уже прочно вошедших в современную проповеднику придворную культуру.

Примером использования в проповеди невербальных элементов придворной культуры может служить, во-первых, обращение к теме астрономии в «Слове на восшествие на престол Елизаветы Петровны» (1748), а во-вторых, переключка заглавной цитаты в «Слове на день рождения Петра Федоровича» и мотивов оформления дворцовых празднеств.

Интерес к астрономии, увлечение самостоятельными астрономическими наблюдениями было распространено при дворе: в частности, Делиль показывал Анне Иоанновне в телескоп кольца Сатурна; в 1748 г. Елизавета наблюдала солнечное затмение в Ораниенбауме [*Масликов*]. Закономерным было и включение естественнонаучного знания, в частности — астрономии, в систему панегирической эмблематики [*Основат*]. Астрономическая символика появляется не только в художественной литературе (см. «Ода на день рождения Елизаветы Петровны» (1746) М.В. Ломоносова: «Предведущая Урания // Возводит кверху быстрый взор, // Небесны беги наблюдает // И с радостию составляет // Венец Тебе из новых звезд» [*Ломоносов VIII*: 155]), но и в качестве элементов оформления дворцовых праздников (например, триумфальных ворот: «Звезды, называемыя Кастор и Поллукс, показываются кораблю в ночи с надписанием: CERTIUS REGAR. Явление звезд сих всегда почиталось за предзнаменование благополучия корабельщикам, вместо котораго мы имеем теперь образ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА показавшийся всероссийской империи, которая в виде корабля, по неизвестному пути плывущаго, представляется» [*Театральная жизнь*: 345] и др.).

Вероятно, повышенный интерес к астрономии при дворе приводит к появлению в «Слове на восшествие на престол Елизаветы Петровны» (1748) этой темы: «Чаятельно же что политичнии астрономы весьма прилежно течение солнца сего [Елизаветы] наблюдали: но Богу тако устроеваюшу и покрываюшу точного времени усмотреть не могли. Того для при различных своих мнениях и единых точию догадах остались. Един всемогущею Божию рукою написанный календарь наилучше угадал, что великое светило сие во определенное себе время прямо на всероссийский Престол восприимет течение свое». Таким образом, Тодорский вступает в полемику с модным увлечением двора, доказывая скрытость от астрономов Божия промысла и неспособ-

ность науки проникнуть в будущее — рассчитать и предсказать ход планет и ход событий.

Показательным взаимодействием светской и духовной символики является использование кедров и пальм при оформлении иллюминации и фейерверка в день рождения Петра Федоровича в 1742 г. и построение «Слова на день рождения Петра Федоровича» 1743 г. на слова «Праведник, яко финикс [финиковая пальма], процветет, и яко кедр, иже в Ливане, умножится». Оба эти дерева имели важное символическое значение: пальма означала благословение, триумф, победу, кедр выступал как символ величия, достоинства, красоты и самого Христа (см., например, кедр на горе — Иезекииль, 17:22—17:24). Кедр связывался скорее с императрицей; он фигурировал, например, при оформлении фейерверка и иллюминации в зимнем доме на Яузе после коронации в 1742 г.: «... представляет сия иллюминация великую область, которая значит Российскую империю. В середине оной оказывается высокая каменистая гора, на которой по обеим сторонам при восходах стоят кедры, при вершинах на подобие таксусовых деревьев коронами остриженные, и представляющие вверх восходящую аллею. Два самые верхние кедра соединяются вершинами своими на подобие зеленого свода, под которым верх горы показывается так как из камня высеченной монумент с именем Ея Императорскаго Величества под короною» [*Театральная жизнь*: 420]. Кедры получают символическое толкование также в описании сенатских Триумфальных ворот: «Кедровая роща, в которой одно дерево высотой всех превосходит и на вершине своей корону имеет, с надписью: COELO NUTRITTA, то есть: СВЫШЕ ВОЗВРАЩЕННОЕ. В государях премудро владеющих по справедливости подданные должны нечто признавать божественное, потому что предизбирает их и возрастает к тому рука Божия» [*Театральная жизнь*: 347].

Символическая значимость пальмы использовалась, например, при оформлении триумфальных ворот над Мойкою по поводу возвращения императрицы в Санкт-Петербург в 1742 г.: «Пальма, которую давит тяжелая корона, подпись: ALTIUS ERIGIT, то есть: Выше подымает. Сие известно, что пальма кверху подымается, когда на нее какаянибудь тягость положена бывает. Таким образом Ея императорское величество, чем больше трудов и тягостей после принятия престола имеет, тем больше прославляет себя...» [*Театральная жизнь*: 358].

Пальмы регулярно используются при оформлении праздников, связанных с наследником, например, иллюминации и фейерверка по

поводу дня рождения наследника в 1742 г.: «По сторонам видны аллеи и зеленых пальмовых деревьев, у которых вершины между собою соединяются таким образом, будто бы оныя аллеи из многих зеленеющих и нарочно в знак чести устроенных ворот состояли, причем на передних воротах, или над входами в оныя аллеи, употреблены вместо гзымзов герцогския шапки. <...> В протчем изображено над дверьми сего удивительнаго дому имя Его Королевскаго Высочества, украшенное по сторонам пальмовыми ветвями, на самой вершине поставлена герцогская шапка...» [*Театральная жизнь*: 405]. В феврале 1742 г. Тодорский находился в Киеве, однако изданное «Описание иллюминации и фейерверка... в высокаторжественный день рождения... Петра... 10 февраля 1742 года» было ему, очевидно, знакомо: метафора процветающей ветви от корня Петра Великого фигурирует как в описании, так и в проповеди:

Слово на день рождения Петра Федоровича (1743)	Описание иллюминации и фейерверка, предисловие
<p>Между толикими неудобствами, поднесл праведник сей дражайшии ветви свои, по примеру финика, емуже уподобляется праведник, ветви свои всегда в гору возносящаго: Едина на Всероссийский престол Божиею десницею уже возведена: другая же высокою Великаго Князя и Наследника титлою возвысилася. Процвел во вселюбезнейшей Дщере своей, процвел и во вселюбезнейшем Внуке своем...</p>	<p>Зеленеющая ветвь почти уже иссохшаго високаго кореня Великаго Петра стоит в полном своем цветении и желание Великия Императрицы о благосостоянии сея дражайшия Княжеския ветви удовольствия своего в отдаленных известиях о сем едином токмо внуке Петра Великаго искать нужды не имеет. [<i>Театральная жизнь</i>: 404]</p>

Та же метафора — ветвь от корня Петра — реализованная через пальмовое дерево, была использована в самом фейерверке 1742 г.: «А именно оной главной план показывал пальмовое дерево нескольких лет, при корени щит с вензеловым именем его императорскаго величества блаженныя и вечностойныя памяти Петра Великаго, а в верьху между вновь произрастшими ветвями щит с именем Его Королевскаго Высочества Петра Светлейшаго Герцога Голштинскаго имеющее» [Санктпетербургские ведомости, 14 февраля 1742 г., 110–111]

Сама заглавная цитата проповеди (*Праведник, яко финикс, процветет, и яко кедр, иже в Ливане, умножится*) содержит в себе сравнение, раскрытию которого и посвящен текст. Такой тип заглавной цитаты — единственный в проповедях Тодорского: он предпочитает в качестве заглавных цитат утверждения, задающие тему проповеди, например, «Яко царь уповает на Господа, и милостию вышняго не подвижится» — в «Слове на день восшествия на престол»; «Поминай первая твоя» — в «Слове на день рождения Елизаветы» (1746), «Врата адава не одолеют ей» — в «Слове в обители Выдубицкой», «Воста за оправдание наше» — в «Слове на Воскресение» (1741) и т. д.

Таким образом, проповедь на известный стих Псалтыри внешне остается в рамках собственно духовной литературы, однако в то же время соотносится со светской придворной символикой, связанной с фигурой наследника, поддерживает ее отсылкой к тексту Св. Писания.

Несмотря на включенность в первую очередь в сферу духовной литературы, придворная проповедь неизбежно вбирала в себя элементы той придворной культуры, в рамках которой она существовала. Жанр проповеди оказывался в разной степени проницаем для светских элементов: легче всего в проповеди адаптировались правительственные указы и манифесты: последние сообщали подданным определенную информацию, а проповедник мог интерпретировать ее и использовать образы и формулировки, освященные государственным авторитетом. Из художественной литературы включалась преимущественно литература античная, входившая в культуру духовную через школьную традицию преподавания классических языков, а также через придворную эмблематику и культуру. Легче всего светские сюжеты проникали в проповедь в качестве «свидетельств очевидцев», в число которых входили не только придворные, но и сама императрица, а также в качестве переосмысленных невербальных элементов придворной культуры.

Литература

Бондаренко — Бондаренко А. Ю. Кавалергарды: История, биография, мемуары. М., 1997. <http://history.scps.ru/cavalier/00.htm>

Езоповы басни с нравоучениями и примечаниями Рожера Летранжа. [Пер. С. Волчкова] СПб., 1747.

Записки — Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989.

Каталог — Каталог личных архивных фондов отечественных историков.

Вып. 1: XVIII век / Под ред. С. О. Шмидта. М., 2001.

- Кислова* — Кислова Е. И. «Слово на день рождения Петра Федоровича» Симона Тодорского // Acta Philologica: Филологические записки. № 1. 2007. С. 308–335.
- Ломоносов* — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959.
- Масликов* — Масликов С. История любительской астрономии в России и СССР. <http://www.astronomer.ru/library.php?action=2&sub=2&gid=66>
- Материалы* — Материалы для истории императорской академии наук. Т. 8. 1746–1747. СПб., 1895.
- Осват* — Осват К. Астрономия и эмблематика: об одном мотиве у Ломоносова//Кириллица, или небо в алмазах. <http://www.ruthenia.ru/document/539857.html>
- Петр I* — Петр I в русской литературе XVIII века (Тексты и комментарии) / СПб., 2006.
- Прокопович* — Феофан Прокопович. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные. СПб., 1761.
- ПСЗРИ* — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830.
- Пьесы* — Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974.
- Соловьев* — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 18. Гл.3. <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv18p3.htm>
- Сумароков* — Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957.
- Театральная жизнь* — Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: Док. хроника, 1741–1750 / Сост. Л. М. Старикова. М., 2005.
- Тодорский 1909* — Тодорский П. П. Иеромонах Симон Тодорский (архиепископ Псковский) и его четыре неизданных слова//Извлечено из журнала «Христианское чтение». СПб., 1909. Авг., сент., нояб., дек. С. 1–48.
- Успенский, Живов* — Б. А. Успенский, Живов М. В. Царь и Бог / Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Шукин* — Шукин В. Симон (Тодорский), Архиепископ Псковский и Нарвский (биографический очерк) // Псковские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1898–1899.